

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АЛЬМАНАХИ
«ОДИССЕЙ», «КАЗУС», «ДИАЛОГ
СО ВРЕМЕНЕМ»: ПОИСКИ МОДЕЛЕЙ
НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Препринт WP6/2008/02

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
ГУ ВШЭ
2008

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

С 24 Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации: Препринт WP6/2008/02. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 28 с.

В статье предпринята попытка проследить изменение профессионального канона в постсоветской историографии на материале трех периодических изданий по всеобщей истории — «Одиссей», «Казус» и «Диалог со временем». Реконструируя образ исторической науки, формируемый этими изданиями, а также его проекцию в прошлое дисциплины, анализируя культурные ресурсы, задействованные в оформлении и структуре издания, а также тематике публикаций, авторы рассматривают программы этих изданий в контексте дифференциации пространства исторической дисциплины и возникновения новых возможностей социального, познавательного, текстуального самоопределения историка.

УДК 930
ББК 63

Sveshnikov A., Stepanov B. Historical almanacs “Odysseus”, “Casus”, “Dialogue with Time”: in search of scientific communication: Working Paper WP6/2008/02. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2008. — 28 p. (in Russian).

In this paper the structural transformations of scientific communication in Post-Soviet historiography are analyzed in connection to functioning of three well-known Russian historical periodicals — “Odysseus”, “Casus” and “Dialogue with Time”. The authors discover new social, intellectual and textual opportunities and strategies in the discipline through examination of structural and symbolic aspects of these editions, representation of historical knowledge and its history there, evolution of their scientific programs and their relations with audience.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© А.В. Свешников, 2008
© Б.Е. Степанов, 2008
© Оформление. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008

Описание постсоветских исторических альманахов, которое будет дано в тексте, требует некоторых предварительных замечаний. Его появление стало результатом участия авторов в проекте «Классика и классики в социогуманитарном знании: формирование и функции». Выбрав в качестве материала постсоветские исторические альманахи, мы сделали своей целью изучение того, как трактовка творчества классиков историографии обусловлена программами этих изданий, которые рассматриваются не только в узко эпистемологическом, но также и в более широком — коммуникативном — плане. Анализ формируемого этими изданиями образа дисциплины потребовал ответа на вопрос о том, как в них *практически* решаются фундаментальные для науки проблемы: соотношения теории и эмпирического исследования, профессиональной преемственности, отношения к другим областям знания, социальных функций исторического знания и социальной роли историка, языка и жанра исторического высказывания и т.д., а также того, какие культурные ресурсы, зафиксированные в оформлении и структуре издания, тематике публикаций, для этого используются. Такой анализ стратегий дисциплинарной саморефлексии и их проекций в прошлое науки, воплощенных в историографических концепциях изданий, позволит нам подойти к вопросу о характере научного авторитета, воспроизводимого тем или иным изданием. С этой точки зрения мы и попытались охарактеризовать три альманаха — «Одиссей», «Казус» и «Диалог со временем», освещающих поле всеобщей истории в России и занимающих в нем весьма авторитетные позиции. Предлагаемая характеристика носит эскизный и несколько схематичный, а в чем-то не совсем систематический характер. Тем не менее она позволяет, на наш взгляд, составить представление о процессе дифференциации научной рефлексии в постсоветской историографии.

* * *

Становление нового профессионального канона в постсоветской исторической науке происходило под влиянием фундаментальных изменений как социального, так и интеллектуального характера. Коллапс государственной системы поддержки науки сопровождался возникновением новых социальных механизмов ее функционирования. Ситуация в постсоветском гуманитарном знании определяется не только отменой

идеологического контроля и преодолением изолированности от мирового гуманитарного знания: историческая наука оказывается и в новых отношениях со сферой публичного высказывания и массовых коммуникаций, и в новом дисциплинарном пространстве, где наряду с уже существующими возникают новые дисциплины — политология, культурология и др. Становление новой профессиональной саморефлексии протекало весьма неоднозначно. Так, моральная критика советской историографии в годы перестройки со стороны публицистов и диссидентствующих историков имеет не всегда ожидаемые последствия: наряду с преодолением догматизма и утверждением современных научных стандартов происходят и выработка новой официальной исторической догматики, и становление «альтернативных» историографий (А.Т. Фоменко, Л.Н. Гумилев и проч.), востребованных СМИ, в определенной степени получающих государственную поддержку и проникающих в образовательную практику¹. В достаточно большой степени оказывается дискредитированной и советская история исторической науки, воспроизводившая модель критики буржуазной идеологии. Таким образом, историография оказывается перед необходимостью построения новой инфраструктуры, которая бы обеспечивала нормальное воспроизводство знания и профессионального сообщества.

В области периодики диапазон профессионального самоопределения гуманитариев задается, с одной стороны, старыми изданиями, во многом воспроизводящими советский дисциплинарный канон, и, с другой стороны, новыми изданиями преимущественно в области философии, филологии, социальных наук (наиболее яркими примерами здесь являются «Новое литературное обозрение», «Логос», «Arbor mundi», «THESIS», «Полис» и др.), ориентированными на принципиальное обновление гуманитарных дисциплин. Если говорить об историографии, то здесь также возникает ряд периодических изданий, призванных обеспечить обновление дисциплины². Особое место среди них занимают альманахи Института всеобщей истории — «Одиссей», «Казус» и «Диалог со временем», на материале которых мы и будем рассматривать процесс выработки нового видения исторического знания,

¹ Ср. постановку проблемы в работе: Чечель И.Д. Научно-исторические представления в условиях общественной трансформации (1985—1991). Дисс. на соиск...к.и.н. М., 2002.

² Среди них можно было бы назвать такие разные журналы как «Родина», «Исторический архив», «Исторические записки», «Ab Imperio», «Клио» и другие.

утверждения новой структуры научного авторитета и новых способов научной самолегитимации³.

Анализируя программные установки и политику этих изданий, мы стремимся выявить в них разные реакции на внутреннюю дифференциацию исторической дисциплины, на изменение функций исторического знания и его социального статуса, умножение социальных ролей историка, а соответственно, и возможностей его самоопределения — социального, познавательного, текстуального. Несмотря на то что эти издания возникают в одном достаточно тесном сообществе, опробованные ими коммуникативные стратегии оказываются весьма различными.

Появление альманаха «Одиссей» стало значимым событием в интеллектуальной жизни времен перестройки. С первых выпусков альманах воплотил в себе альтернативную по отношению к советским изданиям модель научного авторитета, что нашло выражение во всей структуре издания, характере материалов, составе редколлегии и т.д.⁴ Миссия «Одиссея» заключалась в манифестации истории культуры, которая мыслилась альтернативой официальной науке. Принципами отбора публикаций — в отличие от множества других изданий — здесь были не соответствие идеологическим принципам и статус автора в иерархии советской науки, но научное признание. Его источником выступало неофициальное гуманитарное сообщество, представители которого входили в редколлегию издания⁵. Альтернативный характер издания воплощался и в его названии, придуманном В.С. Библером, и в раскрывавших его значение текстах на внутренней стороне обложки. Образ Одиссея, выступавшего для создателей альманаха символом научного поиска и исследовательской саморефлексии, отсылал к подлинной классической традиции (как на-

³ Важным источником для нижеследующих рассуждений стали материалы интервью, взятых Б.Е. Степановым в 2006—2007 гг. Участникам этих интервью — Д.Э. Харитоновичу, Е.М. Михиной, С.И. Лучицкой, П.Ю. Уварову, И.М. Савельевой, Л.П. Репиной, А.Г. Суприяновичу, С.В. Оболенской, М.А. Бойцову, М.Ю. Парамоновой — авторы приносят искреннюю благодарность.

⁴ Подробнее об этом см.: Степанов Б.Е. Тонкая красная нить: споры о личности и индивидуальности как зачин историографии 1990-х // Новое литературное обозрение. 2007. № 83 (на CD); Свешников А., Степанов Б. Воспоминание о будущем (к 20-летию «Одиссея») // Одиссей. Человек в истории. 2008 (в печати); Харитонович Д.Э. Десять лет странствий «Одиссея» // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 226—227. Целый ряд принципиальных для этой модели моментов стал парадигмальным и для других анализируемых изданий.

⁵ Как отмечала Е.М. Михина, участником альманаха не мог бы стать человек идеологически далекий от этого сообщества. См: Интервью с Е.М. Михиной. 30.11. 2006. (архив Б.Е. Степанова).

учной, так и культурной), с которой — в противовес официозу — отождествляли себя представители неофициальной гуманитарной науки.

Участие наряду с А.Я. Гуревичем, Л.М. Баткиным, Ю.Л. Бессмертным, Е.М. Мелетинским и Ю.Н. Афанасьевым ведущих западных ученых придавало публикации в альманахе очень высокий статус. Несмотря на то что создание «Одиссея» и характер этого издания стали сами по себе значимым политическим фактом⁶, его программа была сугубо научной, дистанцированной не только от советской идеологии, но также и от текущей публицистической конъюнктуры. Ориентация на научную актуальность предполагала работу по компенсации дефицитов советской исторической науки через усвоение достижений науки западной и кооперацию с другими дисциплинами. Первый номер «Одиссея» открывался теоретическим разделом, в который вошли статьи В.С. Библера о Бахтине, В.В. Иванова о культурной антропологии и С.И. Великовского о «культуре как полагании смысла», а уже в третьем номере была опубликована подборка, посвященная школе «Анналов» и, в частности, критическому повороту 1989 года.

Провозглашая альтернативную по отношению к официальной программу изучения истории как истории культуры, издание претендовало на то, чтобы по-новому представить структуру знания о прошлом⁷. В отличие от советских журналов каждый выпуск «Одиссея» имел тематический характер, причем значение этих тем простиралось за пределы не только медиевистики, но иногда и исторической науки в целом⁸. Этим определялось содержание как теоретических рубрик, отсутствовавших в советских журналах, так и подбор статей, посвященных историческим сюжетам. Проблемный характер изданию придавали не только установочные статьи, но и публикации разного рода дискуссионных материалов (стенограмм дискуссий, полемических откликов членов редколлегии и т.д.), причем участниками дискуссий были и историки, и антропологи, и филологи, и представители других гуманитарных дисциплин⁹. Вместе

⁶ О публичном значении альманаха свидетельствуют не только популярность семинара по исторической психологии, созданного за два года до выхода альманаха, но и тиражи первых его выпусков: 20000 — у первых двух и 13000 — у третьего.

⁷ Не случайно, по свидетельству С.В. Оболенской, Гуревич предпочитал называть «Одиссей» не альманахом, а журналом. См. об этом: Интервью с С.В. Оболенской. 7.07.2007 (архив Б.Е. Степанова).

⁸ Еще более амбициозным в этом отношении проектом стал возникший тремя годами позже альманах «THESIS», репрезентировавший себя как международное и — в отличие от «Одиссея» — сугубо теоретическое издание.

⁹ Чрезвычайно важна здесь связь альманаха с работой семинара по исторической психологии.

с тем высокий статус теории не делал ее самодостаточной: по свидетельству членов редколлегии, материалы, признававшиеся излишне теоретическими и далекими от практических задач исторической науки, не публиковались — часто несмотря на высокий статус авторов¹⁰. Показательно, что застрельщики альманаха — А.Я. Гуревич и Л.М. Баткин — выступали на его страницах в большей степени как практики и полемисты, нежели как теоретики.

Наряду с теоретическими разделами заметное место на страницах альманаха занимали статьи, посвященные представлению достижений современной историографии и смежных дисциплин, а также публикации, отражавшие ход научной жизни в историографии — материалы дискуссий и хронику, рецензии и рефераты, а также юбилейные поздравления и некрологи¹¹. Вместе с тем в «Одиссее» присутствовали и более традиционные для исторической журналистики жанры — такие, например, как публикации источников, что свидетельствовало о претензии на полноту охвата дисциплины.

В соответствии с этой программой строилась в «Одиссее» и репрезентация истории исторической науки. Ведущим историографическим жанром здесь (во всяком случае, на первом этапе его существования) был проблемный обзор, знакомящий читателей с новыми направлениями историографии, преимущественно западной. Временной диапозон задавался возникновением новой исторической науки и, в частности, школы «Анналов», которая утверждалась «Одиссеем» в качестве главного историографического ориентира¹². Главным символом школы выступал особо ценимый А.Я. Гуревичем М. Блок, удостоившийся двух биографических публикаций в первых выпусках альманаха¹³, причем в

¹⁰ См. об этом: Интервью с П.Ю. Уваровым. 18.10.2007 (архив Б.Е. Степанова).

¹¹ Стоит ли говорить, что время науки в «Одиссее» имело альтернативный характер по отношению к тому времени, которое отсчитывалось центральными историческими изданиями. Что касается рецензий, то, справедливости ради, нужно отметить, что этот жанр появляется в «Одиссее» только после 1996 г.

¹² Девятнадцатый век — «век истории» — был представлен преимущественно негативными характеристиками, связанными с доминированием позитивизма, специализацией исторического знания и т.д.

¹³ Два письма Марка Блока и Люсьена Февра. Пер., коммент. и вступ. ст. И.С. Филиппова // Одиссей. Человек в истории. 1990. М., 1990. С. 199—211; Гуревич А.Я. Добротное ремесло (первая биография М. Блока) // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 75—83. В противовес утверждению К. Финк, автора биографии Блока, о том, что в 60—70-е годы французский историк превращается для анналистов в «далекого почитаемого предка», Гуревич провозглашает Блока «полным сил борцом за обновление истори-

одной из них была напечатана его фотография¹⁴. Из современных представителей школы «Анналов» чаще всего публиковался Ж. Дюби, чуть меньше — Ж. Ле Гофф, который был одновременно членом редколлегии «Одиссея», а также Ж.-Кл. Шмитт и Р. Шартье. С представлением участников школы «Анналов» был также связан жанр интервью, в целом так и не прижившийся в «Одиссее»¹⁵.

Перспективой неофициальной гуманитарной науки определялся подход к характеристике российской историографии, акцент в которой делался на взаимоотношениях науки и власти. Тем самым применительно к истории науки речь шла не столько о представлении некоторых образцовых работ, сколько о возвращении вытесненного и своего рода «проработке прошлого», демонстрации отсутствия «нормальной науки» в СССР. Показательна в этом отношении этическая трактовка профессионализма в статье А.Я. Гуревича. Констатируя отсутствие в СССР нормальных условий профессиональной деятельности, он заключает свое рассуждение следующим образом: «Все в конце концов упирается в одно — в ответ на самому себе заданный вопрос: сколько капель рабства ты сумел из себя выдавить, в какой мере свободен твой дух»¹⁶. С этим утверждением перекликается критика Н.Е. Копосовым советской исторической науки. Ее догматизм, по мнению исследователя, выражался не только в зависимости от марксистской идеологии, но и в так называемой «идеологии профессионализма», которая была формой относительной идеологизации науки, но вместе с тем означала и запрет на теорию и свободу мысли — теперь уже от имени строгой науки¹⁷.

Эта историографическая концепция утверждалась и в серии публикаций, посвященных отдельным представителям репрессированной или неофициальной гуманитарной науки в СССР. Особенно важными в этом

ческого знания (С. 82). Ср. также: От редколлегии // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 7.

¹⁴ Кроме него из западных ученых был опубликован только портрет Ж. Дюби. Что касается фотографий отечественных ученых, то в начале 90-х была опубликована фотография А.А. Зимина, с конца 90-х годов фотографиями сопровождалась также публикация некрологов.

¹⁵ В последующие годы в «Одиссее» было опубликовано лишь интервью О.С. Воскобойникова с Ж. Ле Гоффом. См. Интервью с Ж. Ле Гоффом // Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 496—503.

¹⁶ Гуревич А.Я. «Путь прямой, как невский проспект», или исповедь историка // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 33. Ср. тезис Гуревича о «пустых столах историков».

¹⁷ См.: Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 65.

ряду были публикации в рубрике «Историк и время», открытой статьей А.Я. Гуревича «“Путь прямой, как Невский проспект”, или исповедь историка», написанной в жанре эгоистории. Связывая тему профессиональной преемственности с неофициальной наукой, автор стремился провести водораздел между подлинными наследниками старой профессуры и теми, кто стал частью репрессивной системы¹⁸. Жесткий диктат партийных и государственных идеологических органов деформировал науку, что не могло не сказаться на профессиональной деятельности историков. Советская историография была изолирована и оказалась в стороне от основных тенденций развития мировой исторической науки. Все интересное, что было сделано в советской историографии, было сделано не благодаря, а вопреки общим тенденциям, сделано одиночками, которые смогли «противостоять системе»¹⁹. Островком профессионализма в этих условиях до определенного момента была медиевистика, представители которой, во многом в силу далекой от политической конъюнктуры и «неактуальной» в глазах политического руководства тематики исследования, сумели сохранить некоторые элементы высокой культуры профессии историка дореволюционного образца. Во многом это связано с прямой тематической и личной преемственностью ведущих советских медиевистов с дореволюционной школой историков-аграрников. Однако в ходе кампании по борьбе с космополитизмом в конце 40-х — начале 50-х на смену «учителям» приходят «идеологи» советского типа. Это обуславливает временный откат советской медиевистики, и только с середины 60-х, благодаря усилию молодого тогда поколения — «шестидесятников», к которым относит себя в этом тексте и сам Гуревич, начинается возрождение и движение к современному состоянию (т.е. ростки современной отечественной науки формируются в трудах «неофициальной» медиевистики с конца 1960-х). Главной мишенью высказанной в этой статье нелюбимой критики становятся представители «поколения идеологов» — Н.А. Сидорова, А.И. Данилов, А.Н. Чистозвонов. Эти материалы вызвали довольно широкий резонанс среди научного сообщества, а редколлегия продолжила разработку этой тема-

¹⁸ Эта тема была более подробно развита в мемуарах Гуревича. Ср. также: Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 5—28.

¹⁹ Подобный подход характерен и для коллективной монографии, изданной под редакцией Ю.Н. Афанасьева, на тот момент члена редколлегии «Одиссея». См.: Советская историография. М., 1996.

тики в последующих номерах, авторы которых, по сути, разрабатывали «версию 1992 г.»²⁰

Отечественная научная традиция персонифицирована в «Одиссее» прежде всего самими представителями неофициальной историографии, что зафиксировано не только юбилейными поздравлениями и некрологами, но также и более или менее развернутыми юбилейными публикациями, среди которых выделяются (авто)биографические эссе А.Я. Гуревича, Л.М. Баткина, А.П. Каждана и других историков²¹. Среди научных авторитетов прошлого важное место занимали представители других дисциплин — прежде всего М.М. Бахтин, выступающий в «Одиссее» главным символом неофициальной гуманитарной науки, но также и Л.С. Выготский, В.Я. Пропп, О.М. Фрейденберг. Из историков наряду с Бахтиным выступают лишь Л.П. Карсавин и П.М. Бицилли.

Трансформация этой научной программы относится ко второй половине 1990-х годов. В этот период «Одиссей», как, впрочем, и начавшие выходить соответственно в 1997 и 1999 годах «Казус» и «Диалог со временем», оказываются перед необходимостью осмысления новой историографической ситуации, которая характеризуется как постмодернистская. Представляется важным, что необходимость переосмысления отношений теории и эмпирии, истории и других дисциплин, науки и общества диктовалась не только новыми тенденциями в западной историографии, но также и изменениями в постсоветском гуманитарном знании. Эти изменения были связаны как с экспансией теоретических дискурсов, со становлением новых гуманитарных дисциплин, таких как политология, социология, культурология, претендовавших на выработку собственных версий прошлого, так и с массовым распространением «альтернативных

²⁰ См. Баткин Л.М. Как историк Гуревич обрабатывал свой аллод // *Одиссей. Человек в истории*. 1994. М., 1994; Оболенская С.В. О времени и о себе. Воспоминания историка // *Одиссей. Человек в истории*. 1995. М., 1995. С. 221—243; Альперович М.С. Историк в тоталитарном обществе (профессионально-биографические заметки) // *Одиссей. Человек в истории*. 1997. М., 1997. С. 251—274; Шарова А.В. Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е.А. Косминского // *Одиссей. Человек в истории*. 2003. М., 2003. С. 256—298; Она же: Маленькие радости большого террора: первые годы Института истории АН СССР // *Одиссей. Человек в истории*. 2004. М., 2004. С. 318—350.

²¹ Наличие автобиографических эссе является показательным в отношении специфики научного авторитета альманаха. Возникнув как манифестация неофициальной гуманитарной науки, альманах запечатлел и процесс распада стоявшего за ней сообщества. В плане эволюции альманаха показательной представляется закрытость редколлегии, пополнение которой осуществлялось практически исключительно за счет сотрудников ИВИ.

историй», успехом «поп-науки» и т.д.²² «Проблематика постмодернизма» была в одинаковой степени эпистемологической и языковой²³, западной и отечественной, интеллектуальной и социальной. Программа познавательного синтеза и, в частности, синтеза исторического, была если не дискредитирована, то серьезно проблематизирована наличием разрывов между теорией и эмпирическими исследованиями, внутренней дифференциацией исторического знания, усложнением историографической рефлексии²⁴.

Столкновение с проблематикой постмодерна, предопределенное и установкой на рецепцию достижений западной историографии, существенно изменяет пространство междисциплинарного самоопределения «Одиссея». Теперь партнерами по междисциплинарному диалогу выступают уже не историческая поэтика, этнопсихология, культурология, историческая демография и история ментальностей, как это было обозначено в первом выпуске альманаха, но «микроистория» и «макроистория», история понятий, новая социальная история, интеллектуальная история, альтернативная история и др.²⁵ При этом проблематика постмодерна осмысливается на страницах альманаха в сугубо эпистемологической плоскости. Выработка конструктивного ответа на эти вызовы связывается с утверждением «исторической антропологии» как магистральной программы исторического синтеза, что приводит к целому ряду интеллектуальных расхождений в сообществе, группирующемся вокруг альманаха²⁶.

В процессе сужения междисциплинарного горизонта теряют свою значимость и те, кто символизировал междисциплинарность в предшес-

²² Более наглядно это заметно в связи с обсуждением проблематики русского литературного постмодернизма. Ср. в этом отношении интерпретацию феноменов «стеба» и «поп-науки» в работах: Гудков Л., Дубин Б. Раздвоение ножа в ножницы, или Диалектика желаний // *Новое литературное обозрение*. 2000. № 47. С. 78—102; Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // *Социальные науки в постсоветской России*. М., 2005. С. 6—17.

²³ Ср. об этом: Венедиктова Т.Д. Между языком и дискурсом: кризис коммуникаций // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 50. С. 89—95.

²⁴ См. Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских культурных исследованиях // *Выбор метода. Изучение культуры в России 1990-х годов*. М., 2001. С. 11—21.

²⁵ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // *Одиссей. Человек в истории*. 1996. М., 1996. С. 9—10.

²⁶ См. в связи с этим, например: Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки — мнимые и подлинные // *Одиссей. Человек в истории*. 1997. М., 1998. С. 233—250.

твующий период, например, Л.С. Выготский или О.М. Фрейдберг. В меньшей степени это коснулось М.М. Бахтина. Публикации других именитых ученых, — например, М. Блока или В.В. Иванова — приобретают отчетливо классикалистский характер: они не получают прочтения в связи с какой-либо актуальной проблематикой и апеллируют сугубо к авторитету имен и традиций²⁷. В историографических разделах доминируют статьи, посвященные экспликации исторической антропологии, причем осмысление ее, как, впрочем, и полемика от ее имени, ведется уже внутри дисциплины. С точки зрения этого процесса дисциплинаризации показательна востребованность на страницах «Одиссея» работ О.-Г. Эксле, посвященных проблематике историзма. Другой важнейшей составляющей историографической работы на страницах «Одиссея» остается критическое осмысление отношений науки и власти на материале советской историографии. В 2000-х годах эта проблематика приобретает особое значение в связи с появлением альтернативных версий истории советской медиевистики²⁸. В связи с этим особое значение для альманаха приобретает задача сохранения памяти о репрессиях в отношении советских медиевистов²⁹.

Конфликты внутри редакции «Одиссея» приводят к изменению состава редколлегии альманаха. Вышедший из редколлегии «Одиссея» Ю.Л. Бессмертный совместно с М.А. Бойцовым организует альманах «Казус», появление которого становится симптомом внутренней дифференциации постсоветской медиевистики. Ориентируясь на актуальные научные течения и западную историографию, сохраняя тематический принцип построения и установку на публикацию дискуссионных материалов, новый альманах предлагал другую историографическую программу — альтернативную уже не только по отношению к традиционной периодике, но и к программе «Одиссея». Отталкиваясь от позиций, выработанных в рамках «критического поворота» школы «Анналов» конца 1980-х, авторы «Казуса» указывали на проблематичность

²⁷ В этом смысле нельзя не подчеркнуть, что публикации статьи В.В. Иванова о культурной антропологии в первом выпуске альманаха и его же статьи о семиотике на рубеже веков в выпуске 1998 года имеют, конечно, принципиально разный статус — как в плане характера признания неофициальной науки, так и в плане сужения междисциплинарного горизонта.

²⁸ См. Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Гуревич А.Я. Историк среди руин: попытка критического прочтения мемуаров Е.В. Гутновой // Средние века. Вып. 63. М., 2002. С. 362—394; Гуревич А.Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 178—179.

²⁹ См. об этом: Гуревич А.Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» С. 187.

исторического синтеза и ограниченность существующих его версий. Обсуждение проблематики микроистории, персональной истории, а также некоторых направлений в западной историографии, воспринимавшихся как выражение постмодернистских веяний, сопровождалось выработкой новой концепции профессиональной идентичности. Последняя определила лицо альманаха в не меньшей степени, чем собственно историографические инновации. Программными для этой концепции были критика научности и демонстрация культурной обусловленности (а значит — ограниченности) и историчности принципов науки и ее социальных функций.

От «Одиссея» «Казус» унаследовал целый ряд черт сформированной им модели альманаха: от связи с семинаром и ориентации на дискуссионность до текстов на внутренней стороне обложки³⁰. Однако «Казус» не претендовал на систематическое представление дисциплины. Альманах не имел авторитетной редколлегии, разделов публикаций источников³¹, рецензий, хроники и некрологов³². О «казусности» альманаха, по свидетельству М.А. Бойцова, должен был свидетельствовать даже нестандартный формат издания, который, однако, был утрачен к третьему выпуску по вине издательства. Представленные в альманахе эмпирические исследования наряду с научной конвенциональностью предполагали в той или иной степени — в соответствии с идеей изучения «казуса» как некоторого случая, ситуации — нарративную интригу, а также стилистическую выверенность³³. О значении авторской субъективности как источника высказываний должны были свидетельствовать и фотографии авторов, публиковавшиеся на титульном листе каждого раздела³⁴.

³⁰ Разумеется, не менее важно, что «Казус» унаследовал и многих авторов «Одиссея», что особенно ярко обнаружилось в 3-м выпуске альманаха.

³¹ Единственным исключением можно считать публикацию главы из сочинения Оттона Фрейзингенского в Казусе-2005, которая, однако, не была вынесена в специальный раздел. Это показательно с точки зрения того «позитивизма», который практикуется альманахом.

³² Надо сказать, что рубрикация альманаха была в целом более гибкой, чем в «Одиссее». Если сначала принцип рубрикации до некоторой степени напоминал стратифицированный образ истории позитивистов («Казус в политике», «Казус в праве» и т.д.), то затем он стал в гораздо большей степени определяться конкретными сюжетами, которым были посвящены статьи того или иного раздела.

³³ Как отмечал М.А. Бойцов, создатели «Казуса» отталкивались от академического стиля других изданий, в том числе — и Одиссея. См. об этом: Интервью с М.А. Бойцовым. 10.07.2007 (архив Б.Е. Степанова).

³⁴ Там же.

Сказанное подтверждается и анализом программных статей альманаха, часть из которых была написана в жанре эссе и содержала массу вненаучных отсылок и цитат³⁵. Характерно, что в осмыслении проблематики исторического знания эти статьи апеллировали не столько к научным ценностям и авторитетам, сколько к общности опыта современников — опыта не только профессионального, но также и культурного³⁶. Ярким примером подобного осмысления стала программная статья М.А. Бойцова «Вперед, к Геродоту!», опубликованная во втором выпуске альманаха. Пафос статьи заключался в растождествлении истории и науки. Научность истории связывалась автором с прогностической функцией социального знания, востребованной в связи с остротой социальных проблем модерна. Тенденции фрагментации и гомогенизации общества в постиндустриальную эпоху приводили к раздроблению исторического знания и, стало быть, к утрате им синтетического характера и научного авторитета. Падение «великих идей», нарастающая интенсивность социального времени в этом обществе делают проблематичным устойчивое знание. В этой ситуации стремление к историческому синтезу оказывается ностальгией по исторической науке XIX века, т.е. тому типу знания, который «давно умер, и на чудесное его воскрешение рассчитывать всерьез уже не приходится»³⁷. Отодвигая проблематику исторического синтеза, которая разрабатывалась «Одиссеем» на материале XX века, в «безнадежно устаревший» XIX век, Бойцов выдвигал в качестве парадигмы современности донаучную историю, которую символизировал Геродот.

³⁵ Не случайно в обсуждении этих статей — и на страницах альманаха, и сборника по микро- и макроподходам, где некоторые из них были впервые опубликованы, — тема субъективности авторской позиции и жанра высказывания была одной из центральных. Так, в обсуждении статьи М.А. Бойцова одни (например, С.И. Лучицкая, М.Ю. Парамонова) отмечали ее обращенность к личному опыту историков, другие указывали на адекватность с точки зрения выражения личных взглядов объективистского футурологического рассуждения (И.С. Свенцицкая), наконец, третьи (А.Я. Гуревич) предъявили Бойцову обвинения в журнализме. В отклике Л.М. Баткина на статью П.Ю. Уварова была затронута тема авторского *privacy*, обозначающая пределы рациональной аргументации, в отклике А.Л. Ястребицкой проблематизировалась тема сообщества. См. Историк в поиске. М., 1998; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1998, Раздел «Размышления о казусах и историческом знании».

³⁶ Ср., например, заглавие статьи П.Ю. Уварова «Апокатастасис, или основной инстинкт историка».

³⁷ Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1998. С. 25.

Предложенная Бойцовым парадоксальная и провокационная актуализация архаики обнаруживала свое подлинное содержание в связи с ревизией ресурсов историописания и самоидентификации историков³⁸. Эта ревизия затрагивала самые разные атрибуты научности: теоретическую оснащенность текстов, наличие в них концептуальных идей³⁹ и характер использования общих понятий⁴⁰, обезличенность научного языка и его терминологическую засоренность⁴¹. По мнению Бойцова, претензия историков на получение устойчивых и общезначимых результатов сводится на нет объемами и темпами производства научной продукции. Однако индустриальный характер производства знания о прошлом выступает для Бойцова точкой отталкивания — в противовес он выдвигает образ историка как ремесленника, изготавливающего штучный товар⁴². Ориентирами новой программы с ее установкой на «новый позитивизм»⁴³, парадоксальным образом дистанцирующийся от научности и исторического оптимизма, выступали конкретные штудии, знаточество и изящный стиль письма. Соответственно конструировался и образ читателя, обозначались функции исторической науки⁴⁴.

³⁸ Апелляции к архаике символизировали возвращение значимости обыденного языка, опыта историка. Ср. в связи с этим: Гавришина О.В. «Опыт прошлого»: понятие «уникальное» в современной теории истории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 328—350.

³⁹ Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту!.. С. 33, 40.

⁴⁰ Там же. С. 38—39.

⁴¹ Там же. С. 37. Показательно, что другой программной для альманаха публикацией становится статья Н.Е. Копосова «О невозможности микроистории», вскрывающая логическую противоречивость принципов историографии как науки об индивидуальном. Памятуя об участии Копосова в формировании историографической концепции «Одиссея», можно сказать, что в «Казусе» критика советской исторической науки универсализируется до критики исторической науки как таковой. Об этом же свидетельствует и образ историографии в статье Бойцова.

⁴² См. об этом: Бойцов М.А., Тогоева О.И. Дело «Казуса» (в печати). Благодарим авторов за возможность ознакомиться с текстом до его выхода в свет. Характерно, что из трех изданий «Казус» выходил наименее регулярно. С обращением Бойцова к образу истории как ремесла интересно сопоставить восходящую к М. Блоку методологическую трактовку этого образа у Гуревича. См., например: Гуревич А.Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 192—193.

⁴³ Антиметодологические заявления мы можем найти и в «Одиссее». Ср., например, выступление Б.С. Кагановича в дискуссии о методе: Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей. Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 166—167.

⁴⁴ Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту!.. С. 40.

Провокационная характеристика⁴⁵ исторической науки носила вполне авангардный характер, чему соответствовало и оформление журнала, в котором использовались не только мотивы художественного авангарда 20-х годов, но и гравюры любимого постмодернистами Дж. Б. Пиранези. Описывая авангард как одну из систем культурного действия, Б. В. Дубин пишет: «Нарушение культурной нормы, введенное рефлексивно, иронически, в порядке игры, и составляет теперь эстетический факт... Эстетическим в новых условиях, в отличие, например, от классицизма, выступает не сама норма, а именно контролируемое, намеренное нарушение на фоне нормы — внесение субъективного начала, демонстрация и обыгрывание темы субъективности. Последняя представлена как бы незаконной, неуправляемой...»⁴⁶. В статье Бойцова разыгрывалось новое соотношение между эстетическими, политическими и когнитивными аспектами творчества историка. Эстетическое измерение выходило на первый план, поскольку являлось залогом коммерческого успеха и одновременно давало возможность дистанцироваться от рутинизированной науки. Отрывая эмпирическое исследование от теории, эта модель профессиональной самоидентификации предполагала более релятивистский и одновременно более традиционный — по сравнению с тем, что задавался «Одиссеем», — образ профессионального канона⁴⁷. Констатируя бесплодность «идейных» споров (от которых историков, по мнению Бойцова, удерживали «такт и чувство самосохранения»), программа «Казуса» не предполагала воспроизводства какой-либо концептуальной традиции — в том числе и традиции, которая могла бы быть

⁴⁵ Ср. в связи с этим как обозначающие проблематичность коммуникации названия некоторых разделов («Провокация», «Недоразумения» и др.), так и специфические исторические персонажи — доносчики, скандалисты, которые попадают в фокус анализа авторов альманаха.

⁴⁶ Дубин Б. В. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы. М., 2004, С. 29. Таким образом, проблематика субъективности, которая в «Одиссее» осмыслялась теоретически (примером могут служить работы О.-Г. Эксле), в «Казусе» отыгрывалась эстетически.

⁴⁷ Это сказалось и в подходе к формированию коллектива авторов. Упомянув в предисловии к третьему выпуску альманаха об оценке «Казуса» как «*elitäre Zeitschrift*» немецкой газетой «Frankfurter Allgemeine», создатели альманаха пишут о своем намерении не допустить превращения издания в чрезмерно элитарное. «Здесь печатаются работы отнюдь не только столичных авторов и убежденных академическими седидами мэтров. Откроем секрет, что некоторые из помещаемых далее статей — вообще первые сколь-нибудь серьезные публикации их создателей». От редакции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. С. 10.

названа традицией постмодернистской рефлексии⁴⁸. Поскольку основой для профессионального консенсуса объявлялась совокупность ремесленных навыков, дисциплинарный канон также получал техническую интерпретацию⁴⁹, тогда как обобщенные — теоретические и идеологические — позиции отодвигались на второй план и становились предметом иронии. Ситуация убыстрения социального времени и расширения информационного потока уже не оставляла возможности для обращения к классическим произведениям: «все новые волны литературы захлестывают профессионально работающего историка, и возвращаться, например, к осмыслению заново классики десятилетней давности уже просто недостает сил. (Конечно, если нет особых — личных — оснований верно любить ту или иную книгу, например, воспринятую как откровение в романтическом студенческом возрасте). По-настоящему бессмертны только издатели источников...»⁵⁰. Апелляция к культурной и научной традиции — так же как и отсылки к современным персонажам и реалиям — становились в этой перспективе результатом сугубо субъективного импульса и могли носить как серьезный, так и игровой характер.

Если пафос «Казуса» заключался в том, чтобы актуализировать провокационный потенциал постмодернизма для проблематизации научной идентичности историка, то в альманахе «Диалог со временем» постмодернистские вызовы были представлены как уже инкорпорированные в дисциплинарную саморефлексию. С первого номера, вышедшего в 1999 году, это издание позиционирует себя как «альманах интеллектуальной истории», т. е. издание, связанное с определенным научным сообществом (Международным обществом интеллектуальной истории) и с определенным исследовательским проектом, сложившимся институционально в западной науке в 1990-е годы. Для этого направления, как указывалось в «программном» редакторском предисловии к первому номеру, «принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и их отнюдь не абстрактной исторической “средой обитания”, теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи порождают

⁴⁸ Ср. значимое отсутствие на страницах «Казуса» постмодернистских теоретиков, как, впрочем, и «чистых» теоретиков вообще. Однако было бы преувеличением говорить о полном отсутствии в «Казусе» историографических работ. На страницах альманаха были опубликованы работы классиков микроистории, обзоры, посвященные новой биографической истории и новому медиевализму.

⁴⁹ См.: Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту!.. С. 30—31, 33, 41.

⁵⁰ Там же. С. 30.

ся, распространяются, извращаются, модифицируются, развиваются»⁵¹. Тем самым альманах был призван реабилитировать интеллектуальную историю, которая в других изданиях не была выделена в специальную область⁵². «Интеллектуальная история» определялась в упомянутой статье как проект «открытый», «междисциплинарный» и «интегральный»⁵³. Это означало возможность участия в реализации проекта не только профессиональных историков, в первую очередь историографов, идущих по пути расширения проблемного поля историографии (т.е. не ограничивающихся «анализом концепций»), но и историков философии, историков науки, литературоведов и искусствоведов⁵⁴. Соответственно, это означало и возможность преодолевать временные и географические границы⁵⁵, сочетать подходы более современные с более традиционными. Эта «программа» была заложена и в структуру первого номера, и в подбор публикуемых материалов.

Таким образом, «Диалог со временем» отличается принципиальным способом взаимодействия с сообществом. Альманах позиционирует себя как более демократичное и вместе с тем более регулярное издание. По свидетельству главного редактора Л.П. Репиной, на его страницах вполне возможно появление как материалов, определенные недостатки которых (в первую очередь с точки зрения «техники», методики исследования) видны самой редакции, но которые представляют интерес «на перспективу», так и статей, в которых представлены позиции авторов, принципиально расходящиеся с позициями редколлегии⁵⁶. Благодаря этому становится возможным широкий состав авторов как в ин-

⁵¹ Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1999. № 1. С. 6. Задача исследования в этой области определяется как «анализ конкретного текста или ситуации, отдельной творческой личности или межличностных отношений в интеллектуальной среде». С. 11.

⁵² В случае «Одиссея» это было по всей вероятности обусловлено известным предубеждением А.Я. Гуревича против узурпирующих культуру высокопородных интеллектуалов. Вместе с тем нужно сказать, что в «Диалоге со временем» и на связанных с ним конференциях был востребован целый ряд тем, которые разрабатывались и «Одиссеем» — проблемы межкультурного диалога, образ другого и т.д.

⁵³ Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? С. 6.

⁵⁴ При этом предполагалось, что преимущественное «внимание к контексту» создаст площадку для некоего междисциплинарного диалога.

⁵⁵ На страницах альманаха соседствуют статьи, посвященные, например, интеллектуальной истории России XX века, и статьи, анализирующие жизнь интеллектуалов Древней Греции.

⁵⁶ Интервью с Л.П. Репиной 1.06.2007 (архив Б.Е. Степанова). Соответственно и требования к публикациям оказываются не столь идеологически и эстетически жесткими, как в двух других изданиях.

ституциональном и дисциплинарном, так и в географическом плане⁵⁷. На страницах «Диалога...», например, опубликовано намного больше работ провинциальных историков, чем на страницах «Одиссея» и «Казуса» вместе взятых⁵⁸. Кроме того, в отличие от последних, ритм «Диалога...» в гораздо большей степени соответствует современным публикационным стандартам⁵⁹. Выходя два раза в год, «Диалог...» уже сейчас догнал «Одиссею» по количеству выпущенных номеров, а с 2007 года стал ежеквартальником и получил статус журнала.

Показательно в этом смысле изменение состава редакции издания. Сначала она, подобно редколлегии «Казуса», включала в себя двух ответственных редакторов, затем расширилась до редколлегии, а в 2006 году издание, наряду с редколлегией, приобрело и редакционный совет, который включает в себя не только зарубежных историков, но и представителей региональной науки. Важно и то, что расширение редколлегии, как отмечала Л.П. Репина, происходило по функциональному принципу, т.е. в соответствии с задачами вербовки новых авторов и облегчения экспертизы статей в условиях расширяющегося тематического диапазона⁶⁰.

Подобная стратегия связана с включенностью альманаха в эффективную систему научного воспроизводства. Как «Одиссея» и «Казус», издание связано с работой соответствующего семинара в Институте всеобщей истории. Но гораздо большее значение для него имеют ежегодные межрегиональные конференции по интеллектуальной истории. Первая из них была проведена в 1999 году, одновременно с выходом первого номера альманаха. С оформлением в 2001 году Российского общества интеллектуальной истории «Диалог со временем» получил «институциональную привязку», став официальным изданием Общества и перейдя — в отличие от остальных двух изданий — на систему подписки. При этом альманах дополнился оперативным «Вестником РОИИ», публикующим преимущественно «текущую информацию» и отражающим внутреннюю

⁵⁷ Имена авторов в оглавлении сопровождаются сведениями об их географической локализации.

⁵⁸ Это выражается и в наполнении раздела рецензий, где рецензируются преимущественно отечественные работы, в том числе и выпущенные в регионах.

⁵⁹ По этой причине альманах издается в издательстве «УРСС-эдиториал», которое — в отличие от издательства «Наука», где публикуется «Одиссея», а с некоторых пор и «Казус» — оказалось способно выдержать такой ритм работы.

⁶⁰ Интервью с Л.П. Репиной. 1.06.2007 (архив Б.Е. Степанова). Показательно, что в отличие от «Одиссея» и «Казуса», в «Диалоге» отсутствует практика чтения статей всеми членами редколлегии.

жизнь Общества⁶¹. Не менее важна интенсивная проектная работа, результаты которой отражаются как в спецвыпусках журнала, так и в сборниках, объединяющих наиболее удачные из опубликованных в альманахе материалов. В течение 2000-х годов центром интеллектуальной истории были реализованы проекты по исторической биографии, истории и памяти, междисциплинарности в истории и ряд других⁶². Отдельного упоминания заслуживает издаваемый параллельно с «Диалогом...» альманах «Адам и Ева», посвященный гендерной проблематике в истории.

С «Одиссеем» «Диалог» сближает стремление репрезентировать историческое знание на всех уровнях: от теоретизирования по поводу истории до публикации источников и рецензий. Однако, несмотря на декларируемую междисциплинарность, «Диалог...» в гораздо большей степени ориентирован на воспроизводство дисциплинарных конвенций. Показательно, что название альманаха закрепляет ключевую для постсоветской историографической рефлексии метафору диалога, а на его обложку вынесен самый что ни на есть традиционный символ дисциплины — муза истории Клио. Разумеется, это дисциплина уже обновленная, в которой ключевое место занимает теоретическая рефлексия, что подтверждается первенством теоретических разделов в альманахе. Публикации в этих разделах представляют современную историографическую рефлексию — в том числе и по поводу разного рода постмодернистских вызовов — уже в систематическом виде⁶³. Многие из них посвящены установлению рамок, границ и принципов исторического познания в целом и часто содержат явную отсылку к актуальному «всемирному горизонту», к процессам, протекающим в мировой исторической науке⁶⁴. Стратегия издания позволяет соотносить между собой разные уровни дисциплинарной конъюнктуры, в частности, преодолевать разрыв между центром и периферией, включать работу региональных школ в некоторый более универсальный научный контекст. Вместе с тем —

⁶¹ На сегодняшний день издательская деятельность общества не ограничена пределами московской кольцевой дороги. Многие региональные отделения общества имеют свои издательские программы.

⁶² См. об этом в выпусках Вестника РОИИ — <http://www.igh.ru/intellect/vestnik/vol11/part6.htm>.

⁶³ Ср. публикации Л.П. Репиной, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, Г.И. Зверевой, Й. Рюзена, О.-Г. Эксле и др.

⁶⁴ Ср., например, апелляцию к Международному конгрессу историков и публикацию статей зарубежных авторов самой разной национальной принадлежности — от Германии до Китая.

в отличие от «Одиссея» и «Казуса» — в «Диалоге» отсутствуют собственно дискуссионные разделы⁶⁵.

С точки зрения создаваемого альманахом образа дисциплины, показательна гораздо большая гибкость и дробность рубрикации «Диалога», что позволяет журналу охватить все разнообразие сюжетов, используемых авторами методик исследования и категориальных схем. По этой причине последний оказывается в целом гораздо более мозаичным, чем «Одиссей» и «Казус». При этом названия многих рубрик включают в себя слово «история», причем часто — по принципу «история и...»⁶⁶. В силу этого разнообразия выглядит достаточно бесконфликтно.

С точки зрения характеристики историографического проекта «Диалога со временем» представляется важным то, что связанный с ним проект интеллектуальной истории был призван вернуть в инновационное пространство две историографические традиции, имевшие в других изданиях маргинальный характер. Во-первых, речь идет об истории исторической науки, которая приобретает на страницах издания самостоятельное значение. В отличие от «Одиссея» и «Казуса», она становится здесь сферой поисков исторического синтеза. Кроме того, эта ориентация позволяет совмещать в себе инновацию и традицию. Контекст интеллектуальной истории предполагает, во-первых, возможность обращаться к историкам прошлого вне зависимости от актуальности их творчества. Благодаря этому происходит выход за пределы, заданные горизонтом «новой исторической науки», и становится возможной реабилитация историографии XIX века. Во-вторых, интеллектуальная история предполагает анализ исторического знания не только в его научной ипостаси (и внеаучных, т.е. идеологических, коррелятах), но в сопоставлении с другими формами человеческого творчества — философией, литературой и проч., а значит — реабилитацию последних как форм знания о прошлом. Таким образом, актуализируется изучение «исторической памяти», донаучных форм знания о прошлом и т.д.⁶⁷ Вместе с тем расширяется диапазон

⁶⁵ При этом вряд ли справедливо было бы говорить об отсутствии в альманахе попыток инициировать дискуссию. Ср. раздел «Приглашение к дискуссии».

⁶⁶ Ср., например, «Автобиография и история», «История и память», «История и теория», «Из истории идеологии», «История и философия», «История и политика» и т.д.

⁶⁷ См.: Образ прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003; История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. Показательно, что концепция памяти, которая может рассматриваться как одно из направлений постмодернистской критики исторической науки, здесь усваивается уже не столько в провокативной, сколько в уже онаученной форме. Как уже отмечалось, в альманахе на первый план выходят гораздо более строго операционализируемые построения, например, принадле-

философских и эстетических определений знания о прошлом, которые таким образом вводятся в саморефлексию дисциплины. Реабилитация историографии связана преимущественно с деятельностью региональных сообществ — казанского, омского, томского, липецкого, челябинского и др. Еще одной инновацией «Диалога» становится возрождение, а стало быть, — и введение в новый профессиональный канон — традиций отечественной и, в частности, советской историографии⁶⁸. Публикации по этой тематике появляются не только на страницах альманаха, но и в вышедших под редакцией Л.П. Репиной сборниках, посвященных как видным дореволюционным историкам — Т.Н. Грановскому, В.И. Герье, так и советским историкам, в частности, М.А. Баргу⁶⁹. Что касается специфики «Диалога со временем» по сравнению с «Одиссеем» и «Казусом», то наиболее показателен здесь тот факт, что в нем появляются мемориальные публикации, посвященные двум главным оппонентам А.Я. Гуревича в конце 1990-х — начале 2000-х — Е.В. Гутновой и А.И. Данилову. В посвященной последнему статье Б.Г. Могильницкого предлагается альтернативная заявленной в «Одиссее» трактовка традиции советской медиевистики. По его мнению, советская историческая наука существовала в условиях жесткого давления со стороны власти периода невиданных катастроф, но, тем не менее, она была действительно наукой, не потерявшей своего значения, грубо говоря «прогноулась, но не сломалась». На ней, безусловно, лежит «отпечаток времени», однако разрыва интеллектуальной традиции не произошло. Труды советских ученых получили признание за рубежом и сейчас сохраняют свое значение. Во многом это связано с овладением советскими учеными марксистской теорией и методологией, которая действительно позволила разработать новую проблематику и методику, «сказать новое слово». И в плане «профессиональной культуры» никакого разрыва не произошло. Б.Г. Могильницкий очень четко проводит «линию преемственности»: Д.М. Петрушевский — А.И. Неусыхин — А.И. Данилов — современная «томская школа»⁷⁰.

жашие М.А. Баргу, чья концепция «исторического сознания» определяется как имеющая эвристическую ценность, и Й. Рюзену, одному из общепризнанных лидеров исследования различных форм исторического сознания, в том числе исторической памяти.

⁶⁸ Присутствующие в журнале публикации, посвященные отношениям науки и тоталитаризма и принадлежащие перу липецкого историка А.И. Борозняка, представляют эту проблему на немецком материале.

⁶⁹ Следует отметить, что эта «классикалистская» тенденция начинает проявляться в середине 2000-х, тогда как для раннего «Диалога» скорее характерна определенная «деклассикализация».

⁷⁰ Могильницкий Б.Г. Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века // Диалог со временем. Вып. 17. М., 2006. С. 215.

Интерес к биографическому жанру, свидетельством которого являются и названные публикации, можно считать другой характерной особенностью «Диалога». Этот интерес к названному жанру исторического письма, традиционно востребованному не только профессиональной, но и массовой историографией, можно считать еще одним симптомом своего рода «нормализации» исторической науки, осуществляемой изданием. Интерес к этому жанру оказывается вполне соответствующим современным тенденциям, поскольку перекликается с актуализацией в 1990-е годы персональной истории, и вместе с тем возрождает одну из традиционных форм культурной легитимации исторического исследования. Однако, в отличие от «Казуса», где «биография» как форма интереса к индивиду имеет второстепенное значение по сравнению с ситуацией или поступком, и «Одиссея», в котором биографическая реконструкция вынесена в историографические разделы и имеет ярко выраженный этический пафос, биография в «Диалоге» выступает в качестве не только «нормального», но и приоритетного жанра исторического письма⁷¹.

* * *

Намеченная нами характеристика альманахов достаточно определенно демонстрирует различные стратегии дисциплинарной самоидентификации и структуры научного авторитета. Если оценивать их с точки зрения эволюции нового профессионального канона, то можно сказать, что ранний «Одиссей» демонстрирует революционный разрыв со старым канонам, формирование нового и начальную стадию его дифференциации — как содержательной, так и структурной. Ситуация второй половины 1990-х, и тем более 2000-х, представляет нам этот канон более дифференцированным и вместе с тем более адаптированным к нормальному воспроизводству дисциплины, соединению традиции и инновации. Наряду с провозглашением историографических направлений меняется и образ историографической традиции. Конфигурация пространства науки на страницах того или иного издания связана не только с определенным тематическим и временным диапазоном, но и со способом обозначения научного фронта и предъявления актуальных проблем, а также характером внутренней рефлексивности издания. Очевидно, что новый научный канон оказывается более гибким, релятивистским и адаптированным к взаимоотношениям — как с другими дисциплинами, так и с социальной практикой модернизирующегося общества, — но вместе

⁷¹ При этом в журнале отсутствуют портреты — как историков прошлого и настоящего, так и персонажей их работ.

с тем и более замкнутым на дисциплине. Данная выше характеристика позволяет увидеть, каким образом издания адаптируются к современным механизмам воспроизводства науки и предлагают набор моделей социального признания историка. Нельзя сказать, чтобы внутренняя дифференциация дисциплины в пространстве периодических изданий была бесконфликтной. Внутренние напряжения сказываются здесь и в дискуссиях о проблемах отношения теории и практики в историографии, и в отношении к советской историографической традиции⁷². К сожалению, не приводит она пока и к складыванию некоторого общего для изданий горизонта взаимодействия — и это несмотря на (но, возможно, также и по причине) принадлежность их в известном смысле к одной институции. Если говорить о влиянии на формирование нового образа историографической традиции, можно констатировать, что «Диалог со временем» в большей степени, чем остальные издания, ориентирован на обнаружение преемственности историографической традиции, объективистское ее представление и вместе с тем на ее персонификацию. Возникновение в связи с проектом интеллектуальной истории широкого, институционально дифференцированного и продуктивного сообщества дает основания предполагать за ним возможности влияния на формирование дисциплинарного канона в целом и, соответственно, пантеона классических авторов, этот канон представляющих.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

Серия WP6 «Гуманитарные исследования»

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

⁷² См. например: Уваров П.Ю. Думают ли историки? А если думают, то зачем? Заметки о книге Н.Е. Копосова «Как думают историки» (М., 2001) // Одиссей. 2003. С. 303—331; Уваров П.Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 194—209; Свобода у историков пока есть. Во всяком случае — есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // Неприкосновенный запас. № 55 <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/sb5.html>; Ср. об этом: Фрумкина Р.М. «Нет, ребята, все не так...» // <http://www.polit.ru/author/2007/01/10/gurevich.html>, а также доклады Д.Р. Хапаевой и О.Ю. Бессмертной на Чтениях памяти А.Я. Гуревича 25.09.2007.

3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
16. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
17. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
19. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

20. Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского – Лурия. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

21. Полетаев А.В. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960–2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

22. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Ч. 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

24. Вахштайн В.С. «Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

25. Савельева И.М., Полетаев А.П. Знают ли американцы историю? Ч. 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

26. Зарецкий Ю.П. Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану). Препринт WP6/2006/07. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

27. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

28. Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

29. Юревич А.В. Психология революций. WP6/2007/03. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

30. Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

31. Самутина Н.В. «Cult Camp Classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе. Препринт WP6/2008/01. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

*Препринт WP6/2008/02
Серия WP6
Гуманитарные исследования*

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

**Исторические альманахи «Одиссей», «Казус»,
«Диалог со временем»: поиски моделей
научной коммуникации**

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии ГУ ВШЭ с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,6.
Усл. печ. л. 1,6. Заказ № . Изд. № 851.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
